

Людмила Константиновна Нефедова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Онтология, антропология и лингвистика границы между детством и взрослостью

Аннотация. Рефлексия ряда философско-антропологических смыслов границы между детством и взрослостью осуществлена на основе эпизодических, подчас имплицитных отсылок в философских текстах к теме детства. Рефлексия выстроена на основе онтологии границы Г. В. Ф. Гегеля, Д. В. Пивоварова, Д. М. Федяева; на обращении к трудам И. Канта, А. Шопенгауэра, И. Г. Фихте, с отсылками на экзистенциалистские и постмодернистские философские тексты. Метафизический смысл границы представлен в русской философии В. В. Зеньковским. Исследование смыслов границы между детством и взрослостью помогает осуществить обращение к русскому языку — лингвофилософской рефлексии. В целом в статье представлено наблюдение транзита понятия границы из сферы онтологии в сферу философской антропологии на основе осуществления комплексной герменевтической рефлексии.

Ключевые слова: граница, онтология, метафизика, детство, взрослость, человек, экзистенциальный, смысл, философско-антропологический, язык, синонимы.

Благодарности. Выражаем искреннюю благодарность профессору Д. В. Пивоварову и профессору Д. М. Федяеву за развитие идеи онтологии границы в их собственных работах и в работах их учеников, что послужило укреплению нашего интереса к участию в разработке этой проблемы в аспекте границы между детством и взрослостью.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Ontology, Anthropology and Linguistics of the Boundary Between Childhood and Adulthood

Abstract. The reflection of a number of philosophical and anthropological meanings of the boundary between childhood and adulthood is carried out on the basis of episodic, sometimes implicit references in philosophical texts to the topic of childhood. The reflection is based on the ontology of the boundary of G. V. F. Hegel, D. V. Pivovarov, D. M. Fedyayev; on an appeal to the works of I. Kant, A. Schopenhauer, I. G. Fichte, with references to existentialist and postmodern philosophical texts. The metaphysical meaning of the border is presented in Russian philosophy by V. V. Zenkovsky. The study of the meanings of the boundary between childhood and adulthood helps to make an appeal to the Russian language — linguistic and philosophical reflection. In general the article presents an observation of the transit of the concept of boundary from the sphere of ontology to the sphere of philosophical anthropology based on the implementation of complex hermeneutic reflection.

Keywords: boundary, ontology, metaphysics, childhood, adulthood, man, existential, meaning, philosophical and anthropological, language, synonyms.

Acknowledgements. We express our sincere gratitude to Professor D. V. Pivovarov and Professor D. M. Fedyayev for developing the idea of boundary ontology in their own works and in the works of their students, which served to strengthen our interest in participating in the development of this problem in the aspect of the boundary between childhood and adulthood.

Введение (Introduction)

Понятие границы, будучи одним из самых прагматически значимых, время от времени требует ревизии своей семантики

в философии в связи с развитием в XXI в. таких отраслей философии, как философия права, конфликта, языка и ряда иных. Особую актуальность приобретает рефлексия

© Нефедова Л. К., 2024

Для цитирования: Нефедова Л. К. Онтология, антропология и лингвистика границы между детством и взрослостью // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 30–34.
DOI: 10.36809/2309-9380-2024-45-30-34

философско-антропологической границы между детством и взрослостью, поскольку позволяет прояснить смыслы взросления человека в культуре, выявить меру и качество транзита от детства к взрослости, а следовательно, и возможности его культурной коррекции в образовательно-воспитательных процессах.

Выявление философско-антропологических смыслов границы между детством и взрослостью в современных социокультурных условиях перспективно для развития практик инкультурации и социализации подрастающего поколения, особенно в период обучения на первых курсах в высшей школе, когда большинство обучаемых проживает экзистенциальные состояния граничного бытия.

Методы (Methods)

Применена рефлексия границы в историко-философской традиции от «Науки логики» Г. В. Ф. Гегеля [1, с. 112–120] до трудов Д. В. Пивоварова [2, с. 213–216], Д. М. Федяева [3, с. 61–63] и их учеников. Осуществлена опора на историко-философский дискурс детства в западной и русской философии [4], приведена морфолого-этимологическая рефлексия категории границы, выполненная автором статьи на основе ряда словарных изданий. В результате герменевтической рефлексии разработан коррелят онтологии границы и ее антропологических смыслов, представленных в репрезентациях границы между детством и взрослостью в философских текстах.

Литературный обзор (Literature Review)

Граница, будучи предметом эмпирического познания в древней философии, в Новое время более четко осознается как умозрительная категория. На имплицитном уровне она все чаще включается в философско-антропологическую проблематику, актуализируя Я в его границах с нечем, с иным, тождественным и отличным от него Я.

Так, у Р. Декарта имплицитно указана граница между душой и телом, между совершенным существом — Богом и несовершенным существом — человеком [5, с. 263–266]. Картезианское видение актуализирует метафизическое начало души, которое, в сущности, определяет психологию, а точнее, метафизику внутренней границы детства у В. В. Зеньковского [6, с. 84, 312].

Границы Я-бытия представлены в трудах немецких классиков: Г. В. Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, И. Г. Фихте. Различие возможностей познания мира ребенком и взрослым отмечал И. Кант [7, с. 442]. Наше исследование границы между детством и взрослостью [8] опирается на понимание ребенка в философских текстах как несовершенного субъекта познания, а также на понимание степени свободы и зависимости детей от взрослых у Д. Локка [9, с. 32–44, 93–99], на диалектику границы Гегеля [1, с. 112], ибо границы возрастных изменений — это прямые иллюстрации выведенных им законов диалектики. Исторически недостаточным явилось бы наше понимание границы между детством и взрослостью в немецкой классической философии без обращения к теории объективации воли у Шопенгауэра, предложившего человечеству вслед за Ж.-Ж. Руссо расстаться с детством [10], а также без понимания назначе-

ния человека у Фихте [11]. Система логики Гегеля наряду с отдельными замечаниями, обозначающими категориальные онтологические и гносеологические смыслы границы, представляет ее развернутое обобщение [1]. В культуре Новейшего времени продолжено прояснение гегелевского понимания границы в разных направлениях гуманитарного дискурса, исследующего человека как субъект и объект познания. Точки примыкания темы граничного бытия и темы детства есть у З. Фрейда, К. Г. Юнга, Г. Зиммеля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, обнаруживших граничное между жизнью и смертью существование человека, несущего, кроме того, и в себе самом экзистенциальную границу, включающую содержание детских переживаний [8].

Русская философия, обращаясь к возрастной границе, обнаружила ее детерминированность не только биологическим ростом человека или развитием его психических функций, но и укорененностью границы в метафизической сущности ребенка, во внеэмпирической части его души. Здесь предметом осмысления в возрастной границе становится то, что труднее всего поддается наблюдению и анализу: изначальная данность, определяющая неповторимость человеческой личности в ее возрастном развитии [6]. Русская философия обращается к индивидуальному, особенно в проживании антропологической границы между детством и взрослостью.

В отечественной философии рубежа XX–XXI вв. в понимании границы, с одной стороны, продолжается развитие онтологической традиции в аспектах отделения, разъединения, соединения и сопоставления явлений. С другой стороны, включается философско-антропологическая рефлексия: рассмотрены границы тела, души, духа человека [12]; граничность уделов его бытия [13]; граничность психики, сознания, гуманитарного познания и в целом граничность культуры как формы бытия [14]. Представляется возможным отметить процесс развития современной онтогносеологической теории границы [15], что, в свою очередь, актуализирует понимание границы во всех формах бытия: природы, человека, культуры, общества. В частности, понимание границы между детством и взрослостью.

Особо отметим обобщение накопленных после Гегеля представлений о категории границы Д. В. Пивоваровым [2], определившим ее как начало или конец всякого бытия; как то, что отделяет нечто от иного; как место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно существующих явлений. Отмечена и парадоксальная природа границы: разъединяя вещи, она в то же время их объединяет, становится основой и связью, а пограничные контакты порождают неожиданные новообразования. С позиций «чистой» онтологии на этой основе были разработаны герменевтические экспликации предметно-атрибутивных и экзистенциальных смыслов граничного бытия культуры начала XXI в. [15], что также послужило опорой для прояснения философско-антропологического понимания границы между детством и взрослостью в нашем исследовании.

Таким образом, для исследования возрастной границы важен исторический аспект конструирования понимания онтологии границы и проникновение этого понимания в различные научные философские дискурсы.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Исследование возрастной границы между детством и взрослостью опирается на ее рефлексию в онтологии, представленную нами ранее.

«Граница актуализирует все оттенки сущего, фиксирует переход количества в качество, соединяет и разъединяет противоположное и однородное. Граница представляет меру вещи и направлена в бесконечность. Граница пребывает вне и внутри каждой качественной определенности. Граница — одна из вечных гносеологических загадок, имеющих свое выражение в каждой области познания. Наиболее общим является онтологическое понимание границы между Бытием и Ничто» [8, с. 5]. Онтология границы определяет ее понимание в иных сферах знания и человеческой деятельности: от геополитики до антропологии, сводя частности к единству и противоположности Бытия и Ничто.

Граница — не только функция соединения и разъединения одного и другого, но имеет имманентное начало — суть. «Граница есть то, в чем ограничиваемые в той же мере суть, в какой и не суть» [1, с. 112]. На границе явление и вещь, присутствуя в своей сути, теряют эту суть и становятся чем-то иным. Гегель видел в границе имманентную определенность всякого нечего как конечного внутри себя бытия, а также и бытие для иного.

В основу нашего осмысления границы между детством и взрослостью положен не только ее исторически сложившийся онтогносеологический дискурс, но и рефлексия морфолого-этимологических аспектов категориальной семантики границы в русской лексикологии [16, с. 390], определяющей оттенки смыслов через синонимы [17, с. 111]: *рубеж, рубец, зарубка, насечка, насечка, межа, грань, стык, кон, кромка, край, предел, конец и начало, демаркационная линия, водораздел, черта раздела*.

Каждая лексема в синонимическом ряду добавляет какой-либо смысловой оттенок в понятие границы. *Рубец* — уплотнение, неровность, возникшая в результате воздействия на материю. *Рубеж* — абстрагирование и расширение смысла *рубца*. *Зарубка* — небольшой след, оставленный каким-либо инструментом. *Межа* — протяженное углубление, фиксация состояния между чем-либо. Здесь достаточно явственно угадываются отделяемые друг от друга *одно* и *другое*. Все четыре синонима актуализируют значение разъединения, разрыва какого-либо единства.

Развитие оттенков смысла видим в следующих синонимах.

Грань — гребень или ребро, отделяющие и соединяющие пространство находящихся под углом или пересекающих друг друга плоскостей. То есть граница может указывать на сложную организацию самого пространства: отделение, соединение, стягивание, состыковку. Разъединенное благодаря границе может состыковываться в целое. *Предел* обозначает первоначальное единство какого-либо состояния, затем количественные и качественные изменения, которые ведут к разъединению, а далее выход за черту приемлемого качества и отсутствие прежнего состояния. *Кромка* — конец, край, предел, ограничение чего-либо. *Демаркационная линия* — маркер

допустимого предела качества. *Водораздел* — преграда между двумя пространствами, имеющая иное, чем они, качество вещества.

Таким образом, русская лексикология представляет богатство смыслов категории границы: разъединение, дифференциацию гомогенного, и в то же время соединение, сращение, состыковку. Все синонимы в разной степени актуализируют значение разъединения и состыковки, начала и конца вещи или явления. Синонимический ряд фиксирует в понятии границы нюансы единства противоположных смыслов: значение отделения, деления, разделения, разъединения, развода, а также и значение стыка, соединения, соприкосновения, близости, смежности. Синонимические ряды указывают, что категория границы, как и любая иная категория, находится в развитии своих смыслов, о чем свидетельствует синоним *мера*, указывающий на смысл конечной степени чего-то [18, с. 252–253].

Синонимическое тождество выявляет многообразие субстанциальной природы феномена границы, реализованное в многообразии смыслов слова-понятия *граница*, которое может обозначать как *грань* кристалла, так и *границу* между государствами; как *межу* между полями, так и *зарубку* на дереве; как *рубец* от раны, так и *возрастную границу*; как *границу* между чувствами и различными психофизическими состояниями, так и *границу* между телом и душой; как *предел* терпения, так и *ров*, наполненный водой.

Граница отличается от *не* границы указанием на разреженность, разъединение субстанции или, напротив, на сгущение, наращивание, уплотнение субстанции в акте соединения каких-либо ее частей. В русском языке объективировано изначальное противоречие смыслового ядра понятия границы, представленное в онтологической экспликации границы: разъединять целостности, разрушать единства и в то же время соединять разъединяемое.

Смыслы границы представлены словами с различным категориально-грамматическим значением: существительными, глаголами, прилагательными, выявляющими ее бытийную пространственно-временную и действенную природу.

Так, глаголы *рубить, гранить, отмежевывать* указывают на характер действия по созданию границы. Глагол *границить* указывает на бытие границы.

Слова с атрибутивным смыслом *пограничный, порубежный, смежный* указывают на принадлежность к границе чего-то, что входит в ее состав.

Субстантивы непосредственно называют сам феномен границы.

В синонимический ряд входят заимствованные слова *фронт* и *фронтир*, восходящие к латинскому слову *front*. *Фронтир* — историческое понятие, означающее подвижную границу между диким Западом и землями, освоенными в Америке колонистами-скваттерами в XVII–XVIII вв.

Заимствованное слово *фронт* в русском языке обозначает подвижную границу военных и трудовых действий, а в английском и французском языках имеет более широкий спектр значений: *лоб, чело, голова, лицо; перед, передняя часть, передняя сторона; фронт военный; фронт работ, начальная зона экономического освоения; бес-*

стыдство, дерзость; внешний вид, манера держать себя [19, с. 484].

В германо-романских языках слово *frontier* означает, прежде всего, государственную или иную границу. Здесь подчеркнут временной, подвижной, изменчивый характер фронта военных и трудовых действий, его сущностная противоречивость. Указанные значения фиксируют топосы границы по отношению к целому, нестабильность, беспокойство, присущие процессам сгущения и разреживания, соединения и разъединения. Корень *front* (*фронт*) — смысловое ядро многозначного ряда, указывающего на культурные и социальные практики, а также на антропологический аспект при обозначении частей человеческого тела: лоб, лицо, голову, а также манеру поведения граничного индивида. В какой-то мере здесь проявляется авангардный, выступающий вперед, подчас определенно милитаристский характер границы — оттенок смысла, присущий всем ее конкретным явлениям в репрезентациях германо-романской лексики.

Таким образом, лексико-грамматический анализ понятия границы выявляет в ней единство противоположного, функцию разъединения и соединения, пространственно-временную протяженность, качественно-количественный состав, субстанциальную суть, отчасти и ее антропологический аспект. Все это имеет непосредственное отношение к смыслам возрастной границы между детством и взрослостью, передавая особенности пубертатного периода.

Нюансировка смыслов в синонимических рядах понятия границы представляется нам необходимой для рефлексии смыслов антропологической границы между детством и взрослостью, представленной в философских текстах скорее имплицитно, нежели явно.

Так, граница между детством и взрослостью с доминантой смысла водораздела, демаркационной линии, грани неоднородных субстанций представлена в образе Эрота у Платона в «Пире», у Руссо в «Эмиле»: дети у Платона и Руссо качественно иные, чем взрослые. Содержание границы между детством и взрослостью еще более эксплицитировано как неврозы детского и переходного возраста у З. Фрейда [20, с. 387–389], а также у Ж. Деррида, заново «перепиывающего» З. Фрейда [21, с. 504–507], выявляющего нюансировку бессознательных представлений о границе.

Экзистенциальная, внутренне осознаваемая граница как взаимодействие и конфликт между ребенком и взрослым внутри самого себя обнаруживается уже у Августина [22, с. 8], Честертона [23, с. 227–229], Батая [24, с. 214, 224, 278–283], Сартра [25, с. 215–216]. Конфликтность экзистенциальной границы переживает персонаж «К» в философской прозе Ф. Кафки [26], являющийся абстрактным субъектом, переходящим из одного произведения Кафки в другое, переживающим как наличное бытие живущие в нем комплексы бытия, граничного с детским.

Мера вещи, направленная в бесконечность, — таков взгляд на граничность детства у И. Канта: «Принцип искусства воспитания, который в особенности должны были бы иметь перед глазами люди, составляющие планы воспитания, гласит: дети должны воспитываться не для настоящего,

а для будущего, возможно лучшего состояния рода человеческого, т. е. для идеи человечества и сообразно его общему назначению. Родители воспитывают обыкновенно своих детей только так, чтобы они годились для современной жизненной обстановки, хотя бы и далекой от совершенства. Но они, собственно, должны были бы воспитывать их лучше, чтобы тем самым вызвать к жизни лучшее будущее» [27, с. 399]. По существу, Кант указывает на интенциональность детского граничного бытия.

Гегель мерит детство взрослостью более жестко. Ребенок на границе роста находится на линии действий, на фронте. Воспитание — это не игра, здесь, по мнению Гегеля, необходима дисциплина, призванная «сломить своеволие ребенка, истребить в нем чисто чувственное и природное. <...> Если не воспитывать в детях чувство подчинения, вызывающее стремление стать взрослыми, в них развивается дерзость и нескромность» [28, с. 494]. Педагогика, пользуясь игрой как средством воспитания, снижает его значимость в глазах детей и «принимает уже само ребяческое как нечто, имеющее значимость в себе, предлагает его в качестве такового детям и снижает в их понимании серьезность дела и самих себя до ребяческой формы, которую сами дети не считают чем-то достойным внимания» [28, с. 495]. Ребенок должен хотеть быть взрослым, должен понимать незавершенность детского состояния и испытывать неудовлетворенность им.

Смысл предела раскрыт у Ж. Батая в качестве ипостаси зла во взрослом «ребячестве» [24, с. 214, 224], явившемся итогом неподлинного взросления.

Приведенные смыслы границы между детством и взрослостью — результат проблематизации ряда эпизодов в философских текстах, где возрастная граница не воспринималась как философская проблема, являясь частью контекста иной онтогносеологической, экзистенциальной и постмодернистской проблематики.

Заключение (Conclusion)

Граница между двумя периодами жизни человека: детством и взрослостью — это бытийная антропологическая граница человека. «Положение человека в мире определяется тем, что во всех измерениях своего бытия и поведения он в каждый момент находится между двумя границами» [29, с. 8]. Граница между детством и взрослостью — актуализация одного из отрезков времени-существования человеческой жизни.

Временные изменения человека взаимосвязаны с пространственными изменениями как в мире, так и в нем самом и формируют темп мир границы, сопрягающий субъективное и объективное начала бытия в их континуальном пространственно-временном выражении. Возможно, следует согласиться с тем, что приоритетным в данной границе будет не пространство, а время [30]. Действительно, локусы и топосы в данной границе могут быть слабо актуализированы, редуцированы, а то и представлять собой метафизические объекты.

Несмотря на то что темпоральный характер рассматриваемой нами границы, казалось бы, эмпирически очевиден и обозначен в философских текстах, целесообразно

дальнейшее исследование философского смысла пространственно-временного континуума границы между детством и взрослостью, в частности, в художественном творчестве, что нуждается в опоре на концептуальные положения не только онтологии, но и антропологии границы. Имеют значение фиксации телесно-духовных границ человека в антропологии, теологии, религиоведении, лингвистике и других гуманитарных дисциплинах. В перспективе наиболее интересным в контексте возрастной границы нам представляется осмысление границы между душой и телом, между животным и человеческим началами человека, между сознательным, бессознательным, трансцендентным, виртуальным в человеке.

Будучи особенной в каждом конкретном случае, граница между детством и взрослостью универсальна, имеет всеобщий характер. «Детство должно уступить свое место другим

фазам в развитии человека, но тем важнее для нас, чтобы всякий пережил свое детство как “золотое время” жизни. Поэзия детства не повторяется, не повторяется и та свобода психического развития, которая дает возможность всякому найти свою индивидуальность, данную нам в детстве» [6, с. 49–50].

В связи с этим полагаем наиболее важными в дальнейшем исследовании, во-первых, процесс психического взросления индивида, основанный на метафизике детства, представленный В. В. Зеньковским [6, с. 83, 312]; во-вторых, состояние «натяжения» между двумя границами, отмеченное Зиммелем [29, с. 8]. В понимании границы между детством и взрослостью важно сохранять смысловое «натяжение» между умозрительным категориальным и антропологическим пониманием границы, которая так или иначе предполагает наличие конкретных представлений о возрасте человека.

Библиографический список

1. Гегель. Соч. : в 14 т. Т. 5 : Наука логики. М. : Соцэкгиз, 1937. 715 с.
2. Пивоваров Д. В. Граница // Современный философский словарь. М. : Академический проект, 2004. С. 213–216.
3. Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Опыт антропологического прочтения гегелевской «Логике» // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 2. С. 61–66.
4. Нефедова Л. К. Архетипическое как этико-онтологическое и правовое основание практики возвращения детей // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 30–34.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе // Избранные произведения. М. ; Л. : Госполитиздат, 1950. С. 257–317.
6. Зеньковский В. В. Психология детства. М. : Академия, 1996. 346 с.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 1999. 472 с.
8. Нефедова Л. К. Граничное бытие детства. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2005. 112 с.
9. Локк Д. Избранные философские произведения : в 2 т. М. : Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 532 с.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Немецкая классическая философия : в 2 т. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000. Т. 2. С. 315–826.
11. Фихте И. Назначение человека // Немецкая классическая философия : в 2 т. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000. Т. 2. С. 75–218.
12. Пивоваров Д. В. Имманентное и трансцендентное // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск : ПАНПРИНТ, 1998. С. 1–13.
13. Хоружий С. С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 38–54.
14. Куликова Т. В. Философия «границы» в контексте гуманитарного познания // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (3). С. 47–54.
15. Бахтызин А. М. Граница: Бытие, сущность, рефлексия : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004. 177 с.
16. Даль В. Грань // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Терра, 1994. Т. 1. С. 390–391.
17. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Советская энциклопедия, 1969. 600 с.
18. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. Т. 1. 680 с.
19. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1998. 1195 с.
20. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М. : Просвещение, 1990. С. 382–424.
21. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск : Современный литератор, 1999. 832 с.
22. Августин А. Исповедь. М. : Владос, 2000. 799 с.
23. Честертон Г. К. Вечный человек. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2004. 704 с.
24. Батай Ж. Теория религии. Литература и зло. Минск : Современный литератор, 2000. 352 с.
25. Сартр Ж.-П. Слова. СПб. : Азбука-классика, 2003. 304 с.
26. Кафка Ф. Процесс. М. : Азбука, 2023. 320 с.
27. Кант И. О педагогике // Собр. соч. : в 8 т. М. : ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 399–462.
28. Гегель Г. В. Ф. Философия права // Кант И., Гегель Г. В. Ф., Шеллинг Ф. В. И. Немецкая классическая философия : в 2 т. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000. Т. 1. С. 303–666.
29. Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М. : Юрист, 1996. Т. 2. 607 с.
30. Щукин В. Г. О филологическом образе мира. Философские заметки // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 47–64.